

Николай Помяловский

Данилушка

Николай Помяловский
Данилушка

«Public Domain»

1867

Помяловский Н. Г.

Данилушка / Н. Г. Помяловский — «Public Domain», 1867

«Было время, когда многие у нас на Руси не имели фамилий; для многих эта роскошь приобретена после. Иван сын Федотов или сын Антонов, сын Васильев – и довольно. Разве только соседи или товарищи дадут прозвище, и это прозвище носит получивший, носят дети его, внуки и т. д., и потом Корова, или Свинтух, или Полосуха и проч. превращается в Коровина, Свинтухина, Полосухина. Так и наш Иван Иванович не имел фамилии...»

Николай Герасимович Помяловский

Данилушка

Психологический очерк

Было время, когда многие у нас на Руси не имели фамилий; для многих эта роскошь приобретена после. Иван сын Федотов или сын Антонов, сын Васильев – и довольно. Разве только соседи или товарищи дадут прозвище, и это прозвище носит получивший, носят дети его, внуки и т. д., и потом Корова, или Свинтух, или Полосуха и проч. превращается в Коровина, Свинтухина, Полосухина. Так и наш Иван Иванович не имел фамилии.

Иван Иванович был дьячок богатого приволжского села К. Поживал он отлично, не хуже иного дьякона, потому что рублей триста ассигнациями было у него дохода, была землишка под садом, были неводки. Жена его Татьяна Карповна ткала знатные полотна и вязала вареги, копила творог, и это давало тоже доходу рублей на полтора в год. Были и частные занятия у Ивана Ивановича: он читал псалтирь по покойнике у помещика Степановича, учил букварю двух дворовых людей, доставал иногда переписку из соседнего города и брал по десяти копеек за лист; кроме того, он мастер был резать из меди и кипариса крестики, четки, образа, деревянные ложки, ухвертки, зубочистки и другие мелкие изделия. Одним словом, Иван сын Иванов стоил бы права иметь фамилию, чтобы и в потомстве не забыли его. Он был дьячок, право, лучше иного дьякона, даже и такого, у которого толстый бас. Талантов у него было много. Всеу он научился сам. Хозяйство у него исправнейшее.

Он любит почитать и книжку, только самого серьезного содержания и церковной печати: например, Четвы-Минею, Святцы, Библию и т. п. В церкви он читал, как и все дьячки читают: скреб себе октавою, так что, когда приходилось произносить «Господи, помилуй» 40 раз, у него выходило: «помилосты, помилосты»; но дома он читал с чувством, с расстановкой, даже с толком. Такой идеальный дьячок жил еще в те времена, когда дьячки носили косы и бороды, – то и другое у него было, но причесано; сюртук длинный, шаровары в сапоги, шапка с широким козырьком, что очень шло к его фигуре. Помещики его любили, священник не мог нахвалиться им, а прихожане считали его за авторитет не только по хозяйственной, но и по другим частям.

Жена и дети Ивана Иванова жили в страхе божием. Хотя наш Иван Иванов и придерживался того убеждения, что жена – слабый, немощный сосуд, и такой сосуд, который снаружи красив, а внутри полон скверны и нечистоты, – все-таки он любил жену, – не романически, конечно, а по-христиански, как заповедали святые отцы. С детьми он разговаривал мало, отвечая им резонно, коротко и ясно. Изредка только он позволял себе поболтать с ними, позволял им хохотать и карабкаться к нему на шею; – и странно, дети, имевшие к нему какой-то страх, в этих случаях были свободны и, не стесняясь, пихали пальцы свои ему в рот и нос, теребили за бороду и жидкие косички. Но лишь только произнесет отец: «довольно!» – сразу оставляли его. Он был убежден, что ребенка хотя раз в месяц следует испарить, но, имея мягкую натуру, он парил их редко, за что немало претерпевал мучений совести.

– Эх, избалую я детей! – говорил он, вздыхая. – Ну, да что ж ты станешь делать. Станешь сечь – им больно, а мне и еще того больней. Не могу.

Но и на него иногда находил час греха. Начнет он бродить по комнате, – бродит день, другой, не ест, не пьет, не говорит ни с кем, и все точно перемогается. Наконец скажет: «нет, грех уж, видно, такой!» и через полчаса является пьян-пьянехонек, и лыком не вяжет авторитет села К. Однако, пьяный он никогда не шумит, сидит молча, подгорюнившись, и ничто не заставит его говорить. На другой день он опять начинает старую, трезвую и разумную жизнь, как будто вчера ничего не случилось, а жена и не намекнет ему о вчерашнем. У ней есть такое

убеждение – «не спрашивай: пьет или нет; кто не пьет ныне? ты смотри, какой он во хмелю». Ну, а Иван Иванов был хорош во хмелю.

У Ивана Иванова был сын Андрияша, сын Петюша, сын Данилушка и дочь Анна. Знатная Анна была у него. Ну, да не о ней дело. Хороши были и братцы ее, да и не о них собственно дело. Дело о Данилушке.

Данилушка был мальчик очень бойкий. Он был любимец матери. Название «матушкин сынок» употребляется в двух смыслах: матушкин баловень и матушкин любимец. Замечают вообще, что маменькин сынок и маменькина дочка вообще бывают счастливы и умны. Был ли Данилушка счастлив, это увидим после. Но ум его и разные способности и таланты уже обнаруживались в его натуре даже теперь. Та же разносторонность, та же способность ко всему, как и у отца: сделать ли кораблик, с лихим хлыстом удочку, запустить с разными невиданными белендрясами и трещетками змея, одним обломком ножа сделать лук и стрелы – это для него ничего не значило: все легко было для него. Мало того, что он, бывало, переймет что-нибудь, он всегда пойдет далее, сделает дополнения, изменения, улучшения. Многое изобрел он даже сам. Например, он устроил между стеной сарая палку, перехватил ее веревкой, двинул веревку – вал пришел в действие со скрипом и треском; это потешало Данилу. Но вот он дотронулся до конца палки: она была горяча. «Это отчего? – запало ему в голову. – Горячо бывает от огня! Подожди же!»

Он позвал братьев, сплел из мочала толстую веревку, чтобы она могла перенести сильнейшее трение, и вот началась работа. Старшие братья спрашивали: что из этого будет.

– А вот увидите! – отвечал Данилушка; после быстрого, усиленного трения концы палки издали дым, а потом вспыхнул и огонь. Дети вскрикнули от удивления.

Удивительно был изобретательный мальчик этот Данилушка. Сам он выдумал тенета для птицы. Однажды он забрался на чердак и бросил в слуховое окно птичьи перышки и пух. Только вдруг стриж на пол-аршина от его носу схватил перо и унес. Это понравилось Данилушке. Он стал продолжать забаву. Другой стриж сделал то же, третий, четвертый. Хорошо. Этот случай так и прошел. Но Данилушке запало в голову, как бы это на пухе поймать стрижа. Пробовал бросать пух, поджидать стрижа, а сзади и метнет камнем. Нет, не выходит. На нитку привяжет перо и думает: «пушу; как он хватит, я и дерну, авось-либо упадет на пол»; но птица боится нитки, да и перо трудно летает. Пытал, пытал да и бросил это дело. Однажды он навязал на бечевочку камень и пускал в виде кометы в воздух с криком и хохотом. Когда надоела ему игра, он ударил камнем об кол, желая оборвать или раздробить его, но камень залетел далее, ударила веревка, обвилась около кола да так и захлестнулась... Вдруг Данило остановился. Это поразило его. Нет, не поразило, а дух изобретательности именно послал ему вдохновение. Мгновенно, подобно молнии, пробежали в голове его тысячи мыслей и выдумок, и он вскричал: «А! теперь я поймаю стрижа». Он, увидев братьев, уверял их, что поймает руками этого стрижа, который летит стрелой по улице и полю и вьется над Волгой, который не боится ни ястреба, ни человека, который так досадно смел, что между ног мчится... Братья смеялись над ним, разболтали матери, мать сказала Ивану Иванову, и за ужином все потешались над Данилой, который собирался поймать руками стрижа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.